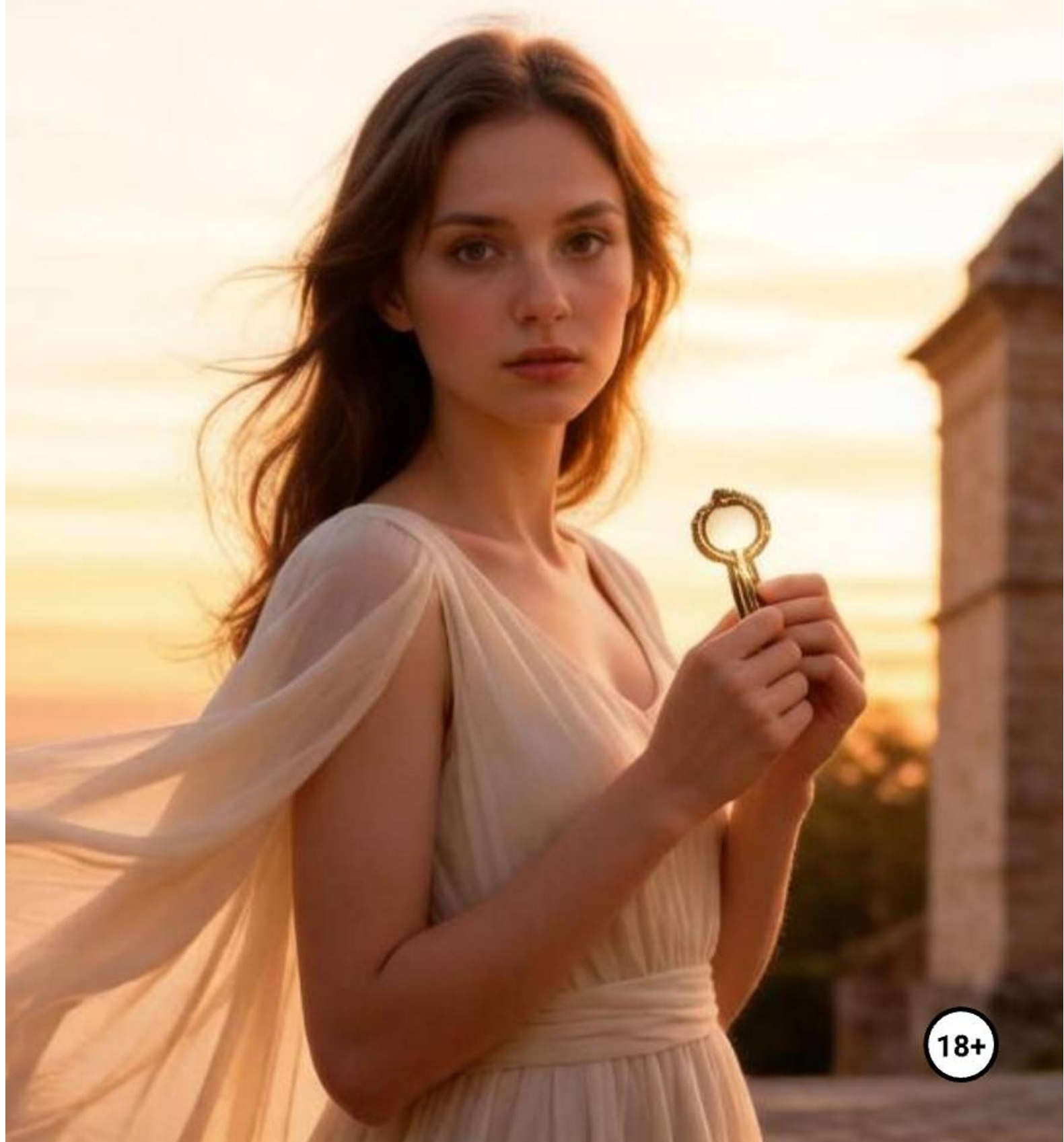

КОРОЙ ША

18+

Ани Вебр

Второй шанс

«Автор»

2026

Вебр А.

Второй шанс / А. Вебр — «Автор», 2026

Выпускница детского дома, нашла свою первую и единственную любовь. Мечты, что с этим человеком проживет всю жизнь, рухнули вместе с мечтой стать матерью. Спустя несколько лет встретив своего бывшего парня, попавшего в тяжелую жизненную ситуацию. Сможет ли простить его?

Ани Вебр

Второй шанс

ГЛАВА 1

Диана стояла на крыльце детского дома и вдыхала свежий воздух летнего дня — он был напоён ароматами луговых трав, нагретой солнцем древесины и едва уловимой горечью полыни, словно сама природа шептала: «Ты свободна». Запах свободы, такой интригующий и манящий, кружил голову, смешиваясь с волнением и лёгкой тревогой. Полгода назад ей исполнилось восемнадцать. Диана была выпускницей детского дома. Она вступала во взрослую жизнь, и этот порог казался одновременно и распахнутой дверью в чудеса, и краем обрыва, за которым не видно дна.

Когда ей было десять, её родители погибли в автокатастрофе. Других родственников у неё не было, и Диана попала в детский дом. По прошествии восьми лет перед ней снова открылись двери в мир. Для неё это было заманчиво и волнительно одновременно. Не зная, что ждёт её за пределами казённых стен, Диана верила в лучшее — эта вера жила в ней, как робкий росток, пробивающийся сквозь асфальт. От родителей ей остался домик, в котором они жили до трагедии. Он находился на окраине небольшого городка Дмитров — собственно, как и детский дом. Диана ещё раз взглянула на двери здания, будто стараясь навсегда запечатлеть в памяти каждую трещинку на облупившейся краске, каждый скол, каждую историю, спрятанную в этих стенах. Это был её приют, её крепость, её школа жизни — и теперь она прощалась с ним, как прощаются с чем-то бесконечно дорогим.

Спустя полчаса она стояла у забора, смотря на обгоревшую кучу досок — это всё, что осталось от её дома. Обугленные балки торчали, как чёрные кости, напоминая о безжалостности времени и случайности судьбы. От соседей Диана узнала, что дом сгорел пару лет назад. Она присела на свежую зелёную травку, ещё влажную от утренней росы, и облокотилась на потёртый, местами облупившийся забор. Дерево под ладонью было шершавым, тёплым от солнца, и на мгновение это простое ощущение тепла обмануло её, заставив поверить, что всё не так уж плохо. Но реальность возвращалась с каждым вздохом. Оставшись в одиночестве без крыши над головой, взрослая и свободная жизнь уже не казалась ей такой уж замечательной. Она перебирала маленькие камушки, затерявшиеся в траве, катая их между пальцами, и думала, что делать дальше. Мысли путались, сталкивались, рассыпались, как эти самые камушки, и не складывались ни в какой план.

После школы она окончила училище с красным дипломом, приобретя специальность медицинской сестры. В её аккуратных записях, в уверенных движениях, в умении оставаться спокойной даже в самых тревожных ситуациях чувствовалась не просто выучка, а призвание. Немного поразмыслив, она приняла решение вернуться в детский дом, попросить работу и возможность пожить какое-то время. Наталья Степановна, директор детского дома, была строгой, но справедливой. К детям она относилась как к родным, и в её строгости всегда слышалась забота, как в голосе матери, которая не даёт ребёнку лезть в огонь. Когда Диана покидала его, директриса даже расплакалась, и эти слёзы были дороже любых напутствий.

Тяжелее всего было прощаться с Тamarой Петровной. С первого же дня между Дианой и бабой Томой, как звали её все в силу возраста, возникла сильная связь. Диана относилась к ней как к родной бабушке, впитывая каждое её слово, каждую улыбку, каждый тихий совет, сказанный шёпотом, чтобы не спугнуть удачу. Она обещала часто навещать её, и это обещание жгло сердце, потому что она знала: сдержать его будет непросто. У бабы Томи не было своих детей, и она всю любовь отдавала Диане, словно пытаясь заполнить ту пустоту, которую оставила в душе девочки потеря семьи.

Стоя у ворот, Диана никак не могла решиться зайти. Переминаясь с ноги на ногу, она держалась за железные прутья ворот, окрашенные в тёмно-зелёный цвет, который со временем выцвел и покрылся тонкой патиной. Металл был прохладным, почти ледяным под её пальцами, и эта холодность словно отражала ту неловкость, что сковывала её изнутри. Она не хотела, чтоб её жалели, не хотела говорить, что осталась без дома. Диане было стыдно и крайне некомфортно выглядеть в глазах учителей бездомной. Она гордая, сильная духом девушка. Хотя внешне была среднего роста, худенькая девчонка с каштановыми волосами по плечи, курносый носиком и россыпью веснушек, с виду симпатичная, но ничем не примечательная, в ней таилась такая внутренняя сила, что, встретившись с ней взглядом, невольно хотелось верить: она справится. Главным её достоинством была честность и готовность прийти на помощь. Для тех, кого она искренне любила, могла свернуть горы, несмотря на всю свою хрупкость. Как бы тяжело ей ни было — хоть морально, хоть физически — Диана старалась никогда этого не показывать, пряча усталость за лёгкой улыбкой и шуткой.

К воротам направлялась баба Тома — седоватая, в лёгком простеньком платье в синий цветочек, которое, казалось, хранило запах выпечки и уюта. Ей было около семидесяти лет, она шла медленно, чуть ссутулившись, но в каждом её шаге чувствовалась твёрдость человека, привыкшего нести ответственность и не жаловаться. В руках она держала тряпочную сумку, в которой, наверное, лежали какие-то мелочи: может, кусочек сахара для кого-то из детей, может, клубок ниток, может, просто что-то родное, что делало её день чуть светлее. Её рабочий день закончился, и она направлялась домой, но, увидев Диану, расплылась в улыбке, и эта улыбка была такой тёплой, что даже воздух вокруг, казалось, стал мягче. Она ускорила шаг, насколько позволяли годы, и в этом порыве было столько искренней радости, что Диана почувствовала, как к горлу подступает комок.

— Дианочка, дорогая, что ты тут делаешь? Неужели уже соскучилась? — Баба Тома подошла ближе и погладила её по руке — простое, будничное движение, в котором было столько любви, что оно могло исцелить любую рану.

— Мой дом сгорел несколько лет назад, — начала она с грустью, и голос её дрогнул, но она тут же постаралась выровнять его, не желая показывать слабость. — Я не знала, куда мне идти, ноги сами принесли меня обратно.

Баба Тома — это единственный человек, кроме подруги, приобретённой в детдоме, с которым Диана делилась всем без утайки: и радостью, и горем. В её присутствии не нужно было надевать броню, не нужно было казаться сильнее, чем ты есть.

— Ах, бедная ты моя, — вздохнула баба Тома, и в этом вздохе не было ни капли осуждения, только бесконечная, тихая жалость, которая не унижает, а согревает. — Пойдём ко мне. Поживёшь у меня, пока всё не наладится.

— Неудобно как-то, — тихо пробормотала Диана, опустив глаза и разглядывая свои поношенные кроссовки, будто в их потёртых носках можно было найти правильные слова.

— Ну-ка! — резко осекла её старушка, но в этой резкости не было злости — только желание защитить, поставить на место ту неловкость, которая мешала принять помощь. — Что неудобно, пойдём, пойдём. — Взяв Диану под руку, баба Тома повела её за собой, и её рука, хоть и тонкая, была удивительно крепкой, как ветка старого дерева, пережившего не одну бурю. — Вот ещё характер показывать вздумала. Поможешь мне по хозяйству, приглядишь за мной, а то что-то сердце пошаливать стало. Мы ведь не чужие.

И в этих словах было столько простого, настоящего тепла, что Диана наконец позволила себе выдохнуть. Плечи её чуть опустились, напряжение, сковывавшее тело весь этот долгий, тяжёлый день, начало таять, как утренний туман под первыми лучами солнца. Она шла рядом с бабой Томой, вдыхая запах её платья, смешанный с ароматом свежего хлеба, и чувствовала, что, возможно, мир не такой уж равнодушный и холодный, каким казался всего несколько

минут назад. Где-то обязательно найдётся уголок, где тебя ждут, где тебе рады, где ты не будешь лишним. И, может быть, именно этот уголок и станет её новым домом.

Прошёл год. Диана продолжала жить у Тамары Петровны. За это время они сроднились ещё сильнее — их связь стала такой прочной, что её уже нельзя было назвать просто привязанностью: это было родство душ, тихое и глубокое, как русло старого ручья, который годами прокладывает себе путь сквозь камни. Баба Тома не хотела отпускать Диану и всячески уговаривала её остаться, находя для этого всё новые и новые поводы: то нужно было помочь разобрать шкаф, то переставить книги, то просто посидеть рядом и послушать, как за окном шелестит дождь. Ди и сама не стремилась покидать старушку, так как та стала часто болеть — её движения замедлялись, голос становился тише, а в глазах всё чаще мелькала тень усталости, которую невозможно было скрыть даже за привычной улыбкой.

Устроившись работать в круглосуточный ларёк, который находился недалеко от дома, Диана работала сутки через двое. В те дни, когда она возвращалась домой, воздух в квартире будто становился светлее: Тамара Петровна встречала её у двери, и даже если сил хватало только на то, чтобы опереться на косяк и слабо улыбнуться, в этой улыбке было столько тепла, что оно согревало даже самые холодные вечера. Все выходные Диана проводила с Тамарой Петровной: они вместе пекли пироги, подолгу разговаривали ни о чём и обо всём сразу, смотрели старые фильмы, которые баба Тома помнила почти наизусть, и каждый раз смеялась над одними и теми же шутками, будто слышала их впервые. Лишь изредка Диана ходила гулять с подругой, и даже эти короткие вылазки были наполнены чувством вины — ей казалось, что, покидая дом хоть ненадолго, она оставляет часть себя, которая должна быть рядом, чтобы держать бабушку за руку, если та вдруг пошатнётся.

Екатерина была выпускницей того же детского дома. Она выпустилась шестью месяцами позже. Кате повезло чуточку больше: на этот момент, помимо работы и квартиры, она встретила любимого человека. Сергей был заботливым и чутким, с той редкой способностью замечать мелочи — он помнил, какой чай Катя любит, знал, что она вздрагивает от резких звуков, и всегда старался оградить её от всего, что могло причинить боль. Безумно влюблённый в Екатерину, он строил далеко идущие планы — о доме, о детях, о том, как они будут встречать старость, держась за руки. В его мечтах было столько света, что, слушая Катю, Диана невольно улыбалась, но в глубине души чувствовала лёгкую грусть: её собственное будущее казалось ей размытым, как пейзаж за запотевшим окном, потому что все её планы теперь крутились вокруг одного — чтобы баба Тома жила как можно дольше.

Ди, в свою очередь, всю себя посвящала бабе Томе. Её беспокоили бабушкины частые разговоры о скорой смерти — они звучали, как далёкие раскаты грома, предвещающие бурю. Жизнелюбие Тамары Петровны таяло с каждым днём, словно свеча, чей огонёк становится всё слабее, но всё ещё упрямо борется с темнотой. Иногда она собиралась в дом престарелых, чтобы, как она говорила, не мешать Диане жить полноценной жизнью. Ди часами отговаривала старушку, её голос звенел от напряжения, а глаза наполнялись слезами, которые она старалась не показывать. Баба Тома постоянно твердила, что написала завещание, по которому всё, включая квартиру, останется Диане. Эти слова больно ранили её: они падали в душу, как тяжёлые камни, оставляя после себя холодные, ноющие пустоты. Диане не нужны были ни квартира, ни все остальные вещи — Тамара Петровна была для неё самым дорогим человеком, единственным островком безусловной любви в этом мире. Единственное желание Ди заключалось в том, чтобы баба Тома жила как можно дольше, чтобы ещё много раз услышать её тихий голос, почувствовать запах её любимых духов, увидеть, как в её глазах вспыхивает искорка смеха.

Однажды Тамара Петровна взяла свою шкатулку с драгоценностями — небольшую, обитую тёмно-бордовым бархатом, с потускневшей от времени латунной застёжкой, которая всё

ещё исправно щёлкала, словно хранила в себе отголоски давно ушедших эпох. Шкатулка пахла старыми письмами, лавандой и чем-то неуловимо родным — так пахнет дом, в котором жили поколения. Усадив Диану перед собой за кухонный стол, баба Тома вновь завела старую «песню», и в её голосе уже не было прежней твёрдости — только тихая, упрямая решимость, с которой человек пытается оставить после себя хоть что-то, что сохранит тепло его рук.

— Когда меня не станет... — начала она, и фраза повисла в воздухе, тяжёлая и неизбежная, как осенний дождь, который вот-вот хлынет на землю.

— Ну сколько можно? — перебила её Диана, и в её резкости не было грубости — только отчаяние, которое прорывалось наружу, как пар из перегретого котла. — Вы будете жить ещё долго. Откуда такие пессимистические мысли?

— Послушай! Это важно, — тихо, но твёрдо произнесла Тамара Петровна, и в этом голосе звучала та непреклонность, которая приходит к людям, когда они знают, что время на исходе, и не хотят тратить его на пустые споры.

Она достала из шкатулки золотое кольцо. Оно было инкрустировано рубинами и бриллиантами, и в свете лампы камни вспыхивали, как крошечные звёзды, пойманные в золотую сеть. Тёмно-бордовый цвет рубинов бросался в глаза, вызывая неподдельное восхищение — они горели глубоким, почти мистическим огнём, как угольки в остывающем костре, хранящие в себе последнее тепло. Бриллианты, напротив, своим холодным блеском и прозрачностью, словно слеза, придавали украшению нежность, будто напоминая, что даже в самой яркой красоте есть место тихой грусти. Настолько противоречивое сочетание делало кольцо изысканным — оно было одновременно страстным и хрупким, сильным и уязвимым, как сама жизнь. Великолепие украшения притягивало взгляд, не позволяя оторвать взор, и в этот момент Диана вдруг поняла, что перед ней не просто драгоценность — это была история, застывшая в металле и камнях, история любви, потерь и надежд, которую Тамара Петровна хотела передать ей, чтобы эта нить не оборвалась.

— Это наша семейная реликвия, — тихо произнесла Тамара Петровна, и её голос звучал так, будто она приоткрывала дверь в прошлое, где жили её предки, дышали, любили, теряли и надеялись. — Оно передавалось из поколения в поколение. Оно тоже достанется тебе. У меня нет детей, а ты стала мне дочерью. Настанет время — ты передашь его своему ребёнку. Но если произойдёт что-то серьёзное, тебе понадобятся деньги. Много денег. Ты можешь продать его. Я не буду против.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и светлые одновременно, как капли росы, которые ещё хранят в себе отголоски ночи, но уже готовы раствориться в первых лучах солнца. Диана хотела возразить, открыть рот, сказать, что ни за что не прикоснётся к этому колье, не позволит ему стать просто товаром, но язык будто прилип к небу, а в груди теснилось что-то горячее, не дающее вымолвить ни слова.

Бабушка достала из шкатулки старый пожелтевший клочок бумаги — он был таким хрупким, что казалось, стоит подуть, и он рассыплется в пыль. Края бумаги истончились от времени, углы были смяты, словно их много раз разворачивали и снова складывали, пряча надежду и отчаяние. На нём выцветшими чернилами были написаны номер телефона и адрес — строчки, которые когда-то казались спасением, а теперь выглядели как след давно ушедшего поезда. Показав его Диане, Тамара Петровна положила листок обратно, и этот жест был полон смирения — будто она возвращала прошлое на его законное место, в темноту шкатулки, где ему и надлежало храниться.

— Когда-то давно моя мама тяжело заболела, и ей нужна была дорогостоящая операция, — продолжила бабушка, и в её голосе слышался тот особенный надлом, который появляется, когда человек говорит о самом болезненном, стараясь звучать спокойно, чтобы не расплескать

горе. — Я хотела продать кольцо, но не успела. Пока я искала покупателя, который бы мог заплатить истинную стоимость этого украшения, мама умерла. Этот мужчина очень богат, у него большая коллекция старинных украшений и другого антиквариата. При нашей последней встрече он сказал, что будет ждать, если я передумаю.

В комнате стало тихо — так тихо, что было слышно, как тикают старые настенные часы, мерно отсчитывая секунды, будто напоминая, что время не ждёт. За окном ветер шевелил листву, и тени от ветвей скользили по полу, словно призраки воспоминаний, которым тесно в одном пространстве с настоящим.

— Вы думаете, он ещё жив? — тихо спросила Диана, и голос её прозвучал непривычно чужим, будто принадлежал кому-то другому, тому, кто смотрит на эту историю со стороны.

— Не знаю, — спокойно ответила Тамара Петровна, и в этом «не знаю» не было растерянности — только принятие того, что некоторые нити времени обрываются, и мы не можем проследить, куда они ведут. — У него был сын, по его словам, сын должен продолжить дело, начатое отцом.

Диана посмотрела на кольцо, которое по-прежнему лежало на столе, и теперь в его блеске ей виделось не только великолепие, но и тень той боли, которую оно несло.

— Жалко продавать такую красоту, — прошептала она, и в этих словах была не просто грусть по утраченной эстетике, а печаль по тому, как жизнь заставляет нас жертвовать прекрасным ради необходимого.

— Бывают ситуации, когда не то что кольцо, но и душу продашь, лишь бы спасти жизнь дорогого человека, — сказала Тамара Петровна, и взгляд её стал далёким, будто она снова видела ту комнату, где лежала её мама, слышала её тихий, прерывистый голос и чувствовала, как время, безжалостное и холодное, утекает сквозь пальцы, как вода. — Я тогда не успела. Но ты должна знать: если вдруг случится беда, у тебя будет этот путь. Пусть он и горький, но он есть.

— Наверное, вы правы, — кивнула Диана, хотя внутри всё противилось этой правде. Она не хотела думать о таких путях, не хотела представлять, что когда-нибудь ей придётся стоять перед тем же выбором, перед той же бездной отчаяния. Но она понимала: бабушка говорит это не для того, чтобы напугать, а чтобы защитить её, дать хоть какой-то щит в мире, где боль приходит без стука и не спрашивает разрешения.

Тамара Петровна осторожно убрала кольцо обратно в шкатулку, прикрыв его бархатной тканью, словно укутывая что-то живое, чтобы оно не замёрзло. Щёлкнула застёжка, и этот тихий звук прозвучал как обещание: пока шкатулка закрыта, прошлое остаётся на своём месте, а впереди — ещё есть время для счастья.

Диана протянула руку и накрыла ладонью морщинистую, прохладную руку бабушки. Пальцы Тамары Петровны дрогнули в ответ, сжались чуть крепче, и в этом простом жесте было больше слов, чем во всех рассказах о реликвиях и завещаниях.

— Я просто хочу, чтобы вы были рядом, — тихо сказала Диана, и слёзы, которые она сдерживала, наконец подкатили к глазам, но не пролились — они остались там, внутри, как тихие клятвы, которые не нужно произносить вслух, чтобы они имели силу. — Мне не нужно ни кольцо, ни квартира, ни что-либо ещё. Мне нужна вы.

И в этот момент между ними возникла та особая тишина, которая бывает только между самыми близкими людьми — тишина, наполненная пониманием, теплом и бесконечной благодарностью за то, что они есть друг у друга.

Спустя ещё восемь месяцев Тамара Петровна начала сильно сдавать. Её движения стали медленными, будто каждое требовало преодоления невидимой, но тяжёлой преграды, а в глазах всё чаще мелькала та усталая покорность, которая приходит, когда силы уходят не в один

миг, а капля за каплей, оставляя после себя лишь лёгкую тень былой бодрости. Перенеся микроинфаркт, она оставила работу, и первые дни без привычной суеты показались ей странно пустыми — словно из комнаты вынесли все вещи, и теперь она стояла посреди голых стен, не зная, куда поставить ногу. Серые будни обыденности навевали на неё депрессию: тишина в квартире звучала непривычно громко, а часы на стене тикали с какой-то нарочитой настойчивостью, будто напоминая, что время никуда не исчезает, даже если тебе нечем его заполнить.

Но со временем баба Тома стала привыкать. В этой новой, замедленной жизни она отыскивала свои маленькие радости и посвящала себя домашним делам, словно заново училась дышать. Часто пекла ароматные булочки и пироги — нежные, воздушные, с золотистой корочкой, от которой по всей квартире растекался тёплый, уютный запах ванили и корицы. Этот аромат был особенным: он пах детством, заботой и тем самым домом, который не измеряется квадратными метрами, а собирается из мелочей. Диана уплетала их с превеликим удовольствием, и в каждом кусочке ей виделась не просто еда, а старание бабушки, её желание подарить хоть немного счастья, сделать день светлее.

Тамара Петровна пристрастилась к телевизионным сериалам — она смотрела их, удобно устроившись в старом кресле, укутавшись в плед, и, пока на экране разворачивались чужие драмы, её пальцы ловко перебирали петли, вытягивая из клубка мягкую пряжу. Вязание стало для неё не просто занятием, а своего рода ритуалом, способом удержать в руках ускользающее время. Баба Тома обвязала Диану с ног до головы лет на десять вперёд: в её старательных, чуть дрожащих руках рождались вещи удивительной красоты, и ни одна не повторялась ни цветом, ни узором — будто каждая была посланием, зашифрованным в петлях и переплетениях. В гардеробе Дианы появилось пять свитеров, две пары носков, шарф, шапка, несколько жилетов, варежки, и коллекция продолжала пополняться, обрастая новыми оттенками и орнаментами, как дерево обрастает годовыми кольцами.

Сейчас бабушка корпела над палантином из нежно-голубой мягкой пряжи — такой пушистой, что она казалась облачком, пойманным и превращённым в ткань. Узор был похож на распускающиеся розы: лёгкие, едва заметные изгибы лепестков сплетались в сложный, но гармоничный рисунок, и Диана, глядя на него, представляла, как эта невесомая красота будет окутывать её плечи, защищая не только от холода, но и от тревог. Она с нетерпением ждала обновку, и это ожидание было особенным — не таким, как в детстве, когда ждут игрушку, а тихим, тёплым предвкушением чего-то родного, что будет хранить в себе частичку бабушкиных рук и её любви.

Частые сердечные приступы и высокое давление Тамары Петровны пугали Диану до дрожи. Каждый раз, когда бабушка вдруг замолкала, прижимая руку к груди, или её лицо становилось пепельно-серым, время будто замирало, растягиваясь в бесконечную, звенящую секунду. Диана вызывала скорую, и эти минуты ожидания были самыми тяжёлыми — они тянулись, как резина, и каждый гудок в трубке казался ей приговором. Она молилась, чтоб врачи успели вовремя, чтобы этот мир не посмел отнять у неё самое дорогое, и в эти мгновения ей казалось, что она готова отдать всё на свете, лишь бы бабушка снова улыбнулась и сказала своим привычным ворчливым тоном: «Ну чего ты паникуешь, я ещё тебя переживу!»

И когда сирена наконец слышалась где-то вдалеке, а потом у подъезда тормозила белая машина, Диана выдыхала, и этот выдох был похож на тихий плач — не от горя, а от облегчения, от того, что ещё один шторм миновал, ещё один день они прожили вместе, и впереди всё ещё есть место для пирогов, для сериалов, для вязания и для разговоров ни о чём, которые на самом деле значат так много.

В один из обычных тихих вечеров, когда сумерки уже легли на город мягким серым покрывалом, а в квартире пахло тёплым молоком и ванилью — Тамара Петровна перед сном

всегда заваривала себе чашку травяного чая, — зазвонил телефон Дианы. Звук был резким, почти дерзким в этой уютной тишине, и Диана вздрогнула, будто её выдернули из какого-то очень важного, пусть и молчаливого разговора с самой собой.

Ответив на звонок, она услышала радостный, звенящий голос своей подруги Екатерины — такой, будто Катя стояла не по ту сторону экрана, а прямо тут, в комнате, и подпрыгивала от нетерпения.

— Привет! Приходи в гости! — затараторила подруга. — С тобой хотят познакомиться!

— Привет. Я не могу, уже поздно, мы с бабушкой собираемся ложиться спать, — ответила Диана, и в её голосе слышалась не холодность, а усталость — та самая, что приходит, когда день был длинным, а сердце всё ещё сжимается от тревоги за близкого человека.

— Ну хотя бы ненадолго! — голос Кати стал умоляющим, в нём проскользнула та детская настойчивость, которая когда-то помогала им вдвоём выживать в стенах детского дома.

— Правда, не могу. Давай в следующий раз.

— Ладно... — сдалась Екатерина, но в этом «ладно» было столько разочарования, что оно почти физически коснулось Дианы. — Я могу хотя бы дать твой номер телефона? Надеюсь, да, потому что я это уже сделала.

— Ты как всегда в своём репертуаре, — вздохнула Диана, но в этой усталости уже мелькнула лёгкая улыбка. — Ладно, до скорой встречи.

Ди положила телефон, и экран погас, оставив после себя лишь лёгкое голубоватое свечение, которое быстро растворилось в полумраке комнаты. Подруга давно пыталась её с кем-нибудь познакомить, словно хотела доказать, что жизнь Дианы не должна состоять только из смен в ларьке, пирогов и тревожных ночей у постели бабушки. Только у Дианы не было времени, она боялась оставлять Тамару Петровну надолго одну — ей казалось, что стоит ей выйти за порог, и мир станет чуть холоднее, а бабушка — чуть слабее.

Вновь раздался телефонный звонок. Номер был неизвестный, и на мгновение в груди ёкнуло: вдруг это скорая, вдруг что-то случилось? Но, взяв себя в руки, она ответила.

— Да.

— Привет. Хотел познакомиться, я Сергей, — голос был уверенный, низкий, с той самой интонацией, которая словно заранее отменяет любые возражения. И всё же в нём был мягкий баритон, который, как ни странно, Диане понравился — он звучал как тёплый плед в холодный вечер.

— Привет, полагаю, ты и так знаешь, что я Диана.

— Да, — коротко ответил он. — Когда мы встретимся? — сразу перешёл в наступление, будто боялся, что если сделает паузу, то упустит момент.

— Через пару дней, наверное.

— Почему так долго?

— Завтра я заступаю на сутки, а послезавтра отсыпаюсь.

— Может, поспим вместе? — фраза прозвучала легко, почти шутливо, но Диане она не понравилась — в ней было что-то слишком фамильярное, слишком торопливое, будто границы между ними уже стёрлись, хотя они ещё даже не видели друг друга.

— Это плохая идея, — твёрдо сказала Ди, решив закончить разговор. — Я ложусь спать, давай потом поговорим.

Сергей покорно попрощался, но напоследок прислал сообщение с пожеланием спокойной ночи. И этот жест, такой простой, на секунду растопил её настороженность.

Весь следующий день они общались посредством сообщений. Переписка была вполне безобидной — о природе, о погоде, о том, как странно пахнет воздух перед снегопадом. Но изрядная настойчивость Сергея, его привычка отвечать мгновенно, будто он только и ждал её слов, начала раздражать Диану. Желание продолжать общение постепенно таяло, как снег на тёплой ладони, а Сергей не сдавался, чем ещё больше бесил Ди.

Сдав утром смену напарнице, Диана пришла домой. Тамара Петровна чувствовала себя хорошо — она сидела у окна, вязала и тихо напевала какую-то старую песню, которую, наверное, слышала ещё от своей мамы. В её движениях была та самая неторопливая уверенность, которая появляется у людей, научившихся ценить каждый спокойный день. Диана легла спать, и сон накрыл её, как тяжёлое, но уютное одеяло.

Её разбудил настойчиво звонящий телефон. Увидев номер Сергея, она окончательно вышла из себя. Сбросив звонок, Ди посмотрела на часы. Шёл третий час дня, за окном светило бледное зимнее солнце, и воздух был таким прозрачным, что казалось, можно разглядеть каждую снежинку, кружащуюся в луче света. Диана созвонилась с подругой и договорилась о встрече. Ей нужно было поговорить о Сергее — его настойчивость пугала её, как пугает внезапный порыв ветра, который срывает с тебя шапку и уносит в темноту.

Переступив порог Катиной квартиры, Ди почувствовала знакомый запах — здесь всегда пахло кофе и чем-то сладким, будто счастье здесь измеряли в кружках и пирожных. На кухне сидели двое парней. Одним из них был парень Екатерины, а второго Диана не знала. Высокий, спортивного телосложения, с тёмными, как уголь, волосами, он выглядел так, словно сошёл с обложки журнала. Его лицо было идеальным, но в этой идеальности было что-то отстранённое, как у статуи, которую все фотографируют, но никто не пытается заговорить. Увидев Ди, он расплылся в изумительной улыбке, не говоря ни слова, только кивнул в знак приветствия.

Катя схватила Диану за руку и потащила в комнату. Сердце Ди учащённо забилось, кровь шумела в ушах, и на секунду ей показалось, что сейчас откроется какая-то очень важная тайна.

— Это Сергей? — с восторгом спросила Ди, сама не понимая, почему ей так важно услышать именно это «да».

— Нет, это Павел. Они трое друзья: Сергей, Павел и мой Серёжа. Позавчера мы сидели у нас, Пашка спросил, нет ли у меня симпатичной подруги. Я позвонила тебе. Ты отказалась приходить, я дала твой номер. Пока Пашка раздумывал, что сказать, Сергей уже стал тебе звонить. Так вы и познакомились. Пашка тогда сильно расстроился.

— Именно об этом я и хотела поговорить. Насколько хорошо ты знаешь Сергея?

— Достаточно, а что?

— Он слишком напористый, меня это немного пугает.

— Дааа... этого у него не отнять. Он не плохой парень, просто настойчивый, всегда добивается того, чего хочет.

— А сейчас он хочет меня?

— Сложно сказать. Сергей давно один, будет яснее, когда вы встретитесь.

— А какой он из себя? Мне Паша понравился.

— Пашка всем нравится, — Катя улыбнулась и закатила глаза. — Только ни с одной долго не встречается. Не советую с ним связываться. Думаю, Сергей уже в курсе, что ты пришла, и скоро будет здесь, — она сделала многозначительный вид, будто знала какой-то секрет, который пока не готова была раскрыть.

— Хорошо, подождём.

Не прошло и получаса, как в дверь позвонили. Екатерина пошла открывать, а Диана украдкой подглядывала из-за угла. Она рассматривала парня — чуть выше неё ростом, плотного телосложения, ничем не примечательный на первый взгляд молодой человек. Он выглядел гораздо старше своих друзей. Тёмно-каштановые волосы блестели под лучами солнца, пробивающимися сквозь стекло, а на волевом подбородке виднелась небольшая ямочка, придававшая его лицу какую-то упрямую мягкость. Чуть позже, когда все собрались на кухне за столом, Ди узнала, что Сергей старше её на десять лет. Изредка она тайком подглядывала на него, чтобы получше разглядеть: его серо-голубые глаза притягивали и пугали одновременно — в них было столько уверенности, столько знания о мире, что ей становилось не по себе. Внешне

он во всём проигрывал Павлу, да и на уровне ощущений Диану что-то отталкивало. Она всё больше убеждалась, что лучше поближе познакомиться с Павлом.

На протяжении вечера Диана чувствовала себя некомфортно. Сергей расположился за столом рядом с ней, будто заранее занял эту позицию, и ни на секунду не оставлял её без внимания. Он пытался приобнять, задавал кучу вопросов, и каждое его прикосновение только ещё больше раздражало Диану, вызывая внутри неё волну отторжения. От излишнего напора она чувствовала почти физическое отвращение к нему. Пытаясь показать своим видом, что Сергей ей неприятен, Ди стала общаться с Павлом, ловя в его лёгкой улыбке и непринуждённых жестах ту самую свободу, которой ей так не хватало.

Когда парни ушли на перекур, она решила поговорить с подругой.

— Он мне не нравится, а своей излишней опекой вообще бесит. Я хочу уйти. Я ещё больше убедилась в том, что мне нравится Павел.

— Не связывайся с Пашкой, из этого ничего хорошего не получится. Лучше найдём тебе кого-нибудь другого.

— Ладно, ладно, я пошла домой, не могу больше терпеть его прикосновения.

Диана оделась и собралась уходить, как с балкона вышли парни. Сергей, увидев одетую девушку, расстроился, но, не теряя надежды, предложил её проводить.

— Не надо, сама дойду, я не из пугливых.

Высочив из подъезда, Ди вдохнула свежий морозный воздух, и напряжение, сковывавшее её весь вечер, начало таять, как лёд под тёплыми пальцами. В этот чудесный зимний вечер было не так уж холодно. Конец января радовал своим теплом, и шёл небольшой снежок — лёгкие, невесомые хлопья кружились в воздухе, как крошечные балерины, исполняющие свой тихий танец. Наслаждаясь тишиной, Диана медленно шла по тропинке, ловя ладошками маленькие белоснежные снежинки. Они таяли на коже, оставляя после себя только влагу и ощущение мимолётного чуда.

Послышались быстро приближающиеся шаги. Её догнал Павел. Поравнявшись с Дианой, он улыбнулся и заговорил:

— Не возражаешь, если я тебя всё-таки провожу?

— Ну, попробуй, — Ди игриво улыбнулась, и в этой улыбке было столько облегчения, что она сама удивилась, как легко может уходить тяжесть, стоит только появиться кому-то, кто не давит, а просто идёт рядом.

— Нам так и не удалось пообщаться.

— Да уж, Сергей всё внимание переключал на себя.

— Может, посидим где-нибудь в кафе? — предложил парень.

— Давай, я не против, — она пожала плечами, и в этом простом жесте было столько доверия, сколько она редко кому позволяла.

Павел привёл Диану в кафе. Оно было маленьким, но очень уютным — будто кто-то специально создал это место для тех, кому нужно спрятаться от большого, шумного мира. Тёмно-бордовые шторы и приглушённый свет придавали заведению домашнюю атмосферу, а мягкие диванчики в тон шторам ещё больше добавляли уюта, приглашая устроиться поудобнее и забыть обо всём. Несколько парочек сидели за столиками у окон, и их тихие разговоры сливались с лёгким звоном чашек и ложек, создавая ту самую музыку вечера, которую слышишь только тогда, когда сердце немного успокаивается. Тишина и лёгкий аромат ванили, доносящийся с кухни, навивали спокойствие и умиротворение.

Они пили кофе с нежными клубничными круассанами, болтали о пустяках, смеялись, и Ди была счастлива — ей даже казалось, что она влюбляется в Пашу, что эта лёгкость, эта способность видеть смешное в обыденном — именно то, чего ей так не хватало. После кафе он уговорил Диану пойти к себе. Павел обещал показать ей очень старые и редкие книги. Когда Ди училась на медицинском, преподаватель рассказывал об одной уникальной книге — она

пыталась её найти, но тщетно. И тут Павел заявил, что у него есть эта книга и ещё несколько изданий того же года выпуска.

Переступив порог Пашиной квартиры, Диана забыла обо всём, кроме книг.

— Ну, показывай книги, — её глаза горели любопытством, и в этот момент она была похожа на ребёнка, которому пообещали показать настоящее чудо.

— Может, сначала чай или что-нибудь ещё?

— Спасибо, не хочу.

Стоя в коридоре друг напротив друга, Павел с улыбкой пристально сверлил её взглядом, и в этой улыбке было столько предвкушения, что Диане на мгновение стало не по себе, но она списала это на волнение. Сделав пару шагов навстречу к Диане, он прижал её своим мускулистым торсом к стене. Ди замешкалась, не ожидая такого быстрого развития событий. Влечение к Павлу было сильнее здравого смысла, и она поддалась искушению. Он жадно и бесцеремонно впился в её губы, и этот поцелуй был не признанием, а захватом территории.

Прервав поцелуй, Павел грубо схватил её за руку и повёл в спальню. Дойдя до кровати, он по-царски улёгся на неё и поманил указательным пальцем. Диана почувствовала себя неловко, стояла в замешательстве и вопросительно смотрела на Павла. Тогда он молниеносно приподнялся и дёрнул её к себе, перекатившись, уже нависал над ней. Диана не успела сказать и слова, как оказалась на кровати почти без одежды.

Когда всё закончилось, он молча ушёл в ванную комнату. И в этой тишине было столько пустоты, столько равнодушия, что реальность обрушилась на неё ледяной волной. Диана чувствовала себя продажной девкой, будто на неё вылили ведро с помоями, от которых больше не отмыться. Пока он принимал душ, она быстро оделась и ушла. Всю дорогу до дома она проплакала, слёзы катились по щекам, смешиваясь с тающими снежинками, и ей казалось, что этот холод никогда не уйдёт из груди. Она корила себя за то, что не послушала подругу, вспоминала её слова, которые теперь звучали как пророчество.

Когда Ди вернулась домой, баба Тома уже спала. В комнате было тихо, только тикали часы, отсчитывая секунды, которые, казалось, ничего не значили. Диана отправилась в ванную, пытаясь отмыться от позора, но вода лишь стекала по коже, не унося с собой ту тяжесть, что поселилась внутри. Она стояла под струями горячей воды и думала, что иногда самое страшное — не боль, а то, как быстро рушатся иллюзии, оставляя после себя лишь холодную, горькую правду.

ГЛАВА 2

На следующий день Ди поспешила к подруге — ей нужно было выговориться, сбросить с плеч этот тяжёлый, колющий груз, который всю ночь впивался в кожу, не давая уснуть. Утро выдалось серым, промозглым: небо висело низко, будто хотело лечь на крыши домов, а ветер швырял в лицо ледяные крупинки снега, смешанные с дождём. Диана шла быстро, почти бежала, пряча лицо в воротник куртки, и в этом торопливом движении было столько отчаяния, что прохожие, случайно встречаясь с ней взглядом, невольно отводили глаза — будто боялись ненароком задеть оголённый нерв.

Зайдя к Екатерине, Диана увидела на кухне двух Сергеев — один был парень Кати, другой — тот самый, настойчивый, от одного вида которого внутри всё сжималось. Не поздоровавшись, она быстро прошмыгнула в комнату, словно пыталась укрыться от грозы под первым попавшимся навесом. Катя тут же предупредила парней, чтобы не входили и дали время пообщаться.

Войдя в комнату, Диана опустилась на диван — он был старый, с продавленным сиденьем, но такой знакомый, такой родной, что даже его скрип прозвучал как тихий голос поддержки.

— Ну рассказывай, что у тебя произошло, — мягко сказала Катя, садясь рядом и накрывая руку подруги своей — тёплой, чуть шершавой от работы, настоящей.

— Вчера, когда я ушла, меня догнал Павел. Предложил проводить, мы зашли в кафе. Долго разговаривали, было всё так хорошо и весело. Он запудрил мне мозги книгами и пригласил к себе. Я как последняя дура согласилась, — слова вырывались из груди, как воздух из проколотого шара — резко, болезненно, без остатка.

— Ооо... самокритика похвальна, — Катя улыбнулась и даже хлопнула в ладоши, но в этой шутке не было насмешки — только отчаянная попытка хоть немного разрядить напряжение, вернуть в комнату хоть каплю лёгкости.

— Перестань, не смешно. У нас всё было. Даже вспоминать противно. Мне так мерзко не было никогда, — голос Дианы сорвался, и она наконец дала волю чувствам — слёзы хлынули потоком, обжигая щёки, падая на колени, оставляя на ткани тёмные влажные пятна, как следы от дождя на асфальте.

— Я же тебя предупреждала, — теперь голос подруги стал тихим, сочувственным. Катя приобняла Диану, прижала к себе, и в этом объятии не было ни осуждения, ни нравоучений — только простое, человеческое тепло, которое иногда важнее любых слов.

Диана расплакалась, и слёзы лились, казалось, из самой глубины, вымывая стыд, обиду, разочарование. Катя пыталась её успокоить, шептала какие-то тихие, бессмысленные, но такие нужные слова, гладила по спине, но утешение не приходило — оно было слишком хрупким, чтобы выдержать эту тяжесть. В конце концов Екатерина решила оставить подругу на несколько минут и пошла к парням, чтобы они не зашли первыми, не нарушили эту хрупкую, болезненную исповедь.

Как ни старалась Катя удержать Сергея на кухне, ничего не вышло. Он мягко, но настойчиво отстранился и пошёл в комнату. Увидев, что Серёжа зашёл, Ди стала быстро вытирать слёзы, размазывая их по щекам, словно пыталась стереть не только влагу, но и сам факт своей слабости. Но слёзы продолжали стекать, упрямые, неумолимые, выдавая всё, что она так хотела скрыть.

Он присел рядом — не слишком близко, но и не на безопасном расстоянии, будто пытался угадать эту невидимую границу, которую сейчас нельзя было пересечь.

— У тебя что-то случилось? — спросил он тихо, без напора, впервые за всё время не пытаясь сразу взять ситуацию в свои руки.

— Нет.

— Откуда тогда слёзы? — Сергей хотел её приобнять, но Ди резко оттолкнула его руку, и в этом жесте было столько боли, что он даже не обиделся — просто замер, будто наткнулся на невидимую стену.

— Не трогай меня.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — он смотрел на неё с лёгкой, чуть грустной улыбкой, и в его взгляде не было ни злости, ни уязвлённого самолюбия — только искреннее желание понять.

Диана отрицательно мотала головой.

— Совсем, совсем? — настаивал он, но не агрессивно, а так, будто от этого ответа зависело что-то очень важное, но не для него — для неё самой.

— Не нравишься. Не нравятся твои прикосновения. Тебя вообще много. Оставь меня в покое, — она перешла почти на крик, и этот крик был не против него — против всего, что навалилось на неё за последние сутки, против собственной доверчивости, против мира, который так легко обманывает.

Сергей снова попытался обнять её, не смотря на все возражения, и на этот раз она не стала вырываться сразу. Какое-то время отчаянно сопротивлялась, чувствуя, как внутри всё кричит: «Не надо, не трогай!», но потом силы кончились, и она сдалась. Почувствовав сильное мужское плечо, она вдруг поняла, что ей просто хочется тепла и понимания, хоть капли того,

что не имеет условий и не требует ничего взамен. Положив голову на грудь Сергея, Диана вдыхала аромат его туалетной воды — лёгкий запах свежести морского бриза с примесью чего-то пикантного, пряного, неуловимого. Этот запах был чужим, но сейчас он казался безопасным, как запах чужого дома, где тебя всё равно примут. За размышлениями и этой странной тишиной Ди задремала. Ночью она почти не спала, переживая о случившемся, и теперь усталость навалилась на неё, как тяжёлое одеяло, придавливая к земле.

Она открыла глаза спустя пару часов, услышав какой-то приглушённый шум.

— Выспалась? — Сергей улыбался, и улыбка его была спокойной, без намёка на упрёк или торжество.

— Ты всё это время сидел, не двигаясь? — удивилась Диана, приподнимаясь и потирая затекшую шею.

— Не хотел тебя будить.

— Что за шум?

— Пашка пришёл. Катя заглядывала, хотела нас позвать, но, увидев тебя спящей, ушла.

Услышав о Павле, Ди вообще не хотела выходить из комнаты. Ей казалось, что стоит только встретиться с ним взглядом — и весь этот стыд снова накроет её с головой, как ледяная волна. Но, собравшись с силами, она решила взглянуть ему в глаза — хотя бы для того, чтобы доказать себе, что она не сломлена.

— Пойдём к ним? — предложила Ди, и в этом вопросе было столько внутренней борьбы, что он прозвучал почти как просьба о помощи.

— Я бы ещё побыл с тобой наедине. Даже согласен смотреть, как ты спишь, — его улыбка была такой доброй, а чуть видневшийся золотой зуб на верхней челюсти слева придавал ей какой-то уютный, почти домашний шарм — будто в этой улыбке пряталась целая история, которую не обязательно рассказывать вслух.

— Надо выйти, а то что они подумают.

— Да пусть думают что хотят, какая разница, — спокойно ответил он, и в этой фразе было столько взрослости, столько равнодушия к чужим мнениям, что на мгновение Диане стало легче.

— Неудобно, пойдём.

— Ну пошли, — неохотно согласился Сергей, будто отдавал что-то очень ценное, но делал это без обиды, просто потому, что понимал: сейчас ей нужно другое.

Зайдя на кухню, Диана через силу взглянула на Павла. Он поздоровался, как ни в чём не бывало, и тут же продолжил общаться с другом, будто вчера ничего не было — ни кафе, ни книг, ни той квартиры, ни её доверия. В этом спокойном, будничном жесте было столько равнодушия, что оно обожгло сильнее любой грубости. Остатки вечера Ди общалась только с подругой, пряча взгляд, стараясь стать незаметной. Сергей был рядом, но не лез, как прежде, — он просто сидел, иногда поглядывая на неё, будто хотел убедиться, что она всё ещё здесь, что с ней всё в порядке.

Собираясь уходить, Диана вновь отказалась от провожатых. В глубине души она всё ещё надеялась, что ей показалось, что Павел сейчас вскочит, скажет что-то, догонит её, признает, что был неправ. Надеялась, что он не такой, каким показался. Но, зайдя в подъезд, надежда угасла, растворяясь в холодном, гулком полумраке. На смену ей пришло горькое, тяжёлое осознание: Павел — самый настоящий мерзавец, и самое страшное в нём — не жестокость, а это спокойное, будничное равнодушие, с которым он стёр вчерашний вечер из своей жизни, даже не задумавшись, сколько боли оставил после себя.

Диана шла по тёмному коридору подъезда, и каждый шаг отдавался внутри глухим эхом. Но постепенно, шаг за шагом, она чувствовала, как эта пустота начинает заполняться не болью, а решимостью. Она не сломалась. Она всё ещё здесь. И этого уже было достаточно, чтобы сделать следующий шаг, а потом ещё один, и ещё — пока не дойдёт до дома, где её ждёт баба

Тома, где пахнет ванилью и где, даже если весь мир вдруг станет чёрно-белым, всегда найдётся место для тёплого света.

Последующую неделю Ди не виделась ни с кем, кроме Тамары Петровны. Дни тянулись тихо, почти беззвучно, будто город приглушил свои голоса, чтобы не потревожить её хрупкое, болезненное спокойствие. Сергей периодически писал, предлагал встретиться, но Диана отказывалась — его настойчивость теперь казалась не столько раздражающей, сколько неуместной, как яркий свет в комнате, где кто-то только что уснул после тяжёлой ночи. Он был ей по-прежнему неприятен, а после того, что сделал Павел, она вообще боялась верить парням.

Диана много думала за это время. Каждый вечер, ложась спать, она мечтала проснуться утром и понять, что ночи с Павлом не было — что это был просто дурной сон, липкий и тяжёлый, от которого можно отмахнуться, потянуться и забыть. Хотела стереть из памяти ту ночь, как стирают мел с доски, оставив лишь чистую, светлую поверхность. Ей было мерзко, гадко, но забыть не получалось: она помнила всё до мельчайших деталей — запах кофе в кафе, узор на обоях в квартире Павла, холодный блеск металла на застёжке его ремня. Каждая деталь сидела в голове, как заноза, которую нельзя вытащить, можно только научиться не трогать. Забыть не удалось, но пришло смирение: не исправить того, что было, можно лишь научиться с этим жить, носить эту тяжесть так, чтобы она не ломала спину.

Диана проснулась в хорошем настроении — редкое, почти забытое чувство, похожее на первый солнечный луч после долгой метели. Завтра у неё день рождения. Своё двадцатилетие Ди хотела отметить в узком кругу дорогих ей людей — тех, кто не предаст, не сделает вид, что ничего не было, не сотрёт тебя из своей жизни одним будничным жестом. Тамара Петровна чувствовала себя хорошо, и Диана могла заняться приготовлениями к празднику. Она навела порядок дома — протёрла каждую полку, вымыла окна, чтобы сквозь стекло лился чистый, незамутнённый свет. Сходила за продуктами, выбирая всё самое простое и самое вкусное: свежий хлеб, спелые яблоки, банку сгущёнки, которую баба Тома обожала. Выбрала наряд. Ди была теплолюбивым человеком, и, так как родилась зимой, в выборе одежды остановилась на ярко-красных брюках стрейч — они плотно облегали ноги, даря ощущение уюта, и бордовой блузке с чёрными вставками по бокам и заклёпками вместо пуговиц. Ткань блузки была мягкой, чуть ворсистой, и казалось, что она обнимает, как старый любимый свитер.

Ближе к вечеру Диана вышла прогуляться. Мороз уже не кусался, а лишь слегка щипал щёки, словно проверяя, жива ли она, чувствует ли этот колючий, но честный холод. Позвонила подруге, пригласила на день рождения вместе с её парнем. Солнце давно село, и с каждой минутой становилось всё прохладнее; небо налилось густой синевой, в которой уже зажигались первые звёзды — робкие, будто не решавшиеся светить в полную силу. Диана направилась в сторону дома, вдыхая этот вечерний воздух, в котором смешивались запахи снега, далёкого дыма из труб и чего-то неуловимо родного, что всегда витает возле дома.

Увидев, как впереди упал человек, Ди побежала к нему, чтобы помочь. Сердце на секунду замерло, а потом застучало так громко, что заглушило даже хруст снега под ногами. Склонившись над лежащим, она признала в нём Сергея — он что-то бессвязно бормотал, его плечи вздрагивали, а в глазах была та мутная пустота, которая бывает у людей, потерявших контроль не только над телом, но и над собой. Казалось, Серёжа был сильно пьян.

— Зачем так напиваться? — она попыталась его поднять, и в этом движении было не раздражение, а скорее усталая забота, как у матери, которая в сотый раз поднимает ребёнка, упавшего на скользкой дорожке.

— Хочуу и пьююу, — протянул Сергей, и его голос звучал так, будто слова пробивались сквозь толщу воды.

— Вставай, я помогу тебе дойти до дома, а то замёрзнешь, — сказала она твёрдо, хотя внутри всё сжималось от неловкости и усталости.

— Эээ... — он начал подниматься, цепляясь за её руку, как за последнюю опору в этом качающемся мире. — Я же тебе не нравлюсь. Че ты со мной возишься?

— Да, не нравишься, но это не значит, что я брошу тебя замерзать. Пошли, — Ди потянула его за руку. — Ты далеко живёшь?

Сергей махнул рукой в сторону, и, к счастью, его дом был рядом — он жил напротив, только на соседней улице. Через десять минут они добрались до дома Сергея. Он несколько раз падал, она поднимала его и тащила дальше, чувствуя, как тяжесть его тела смешивается с тяжестью собственных мыслей. Кое-как преодолев вход в подъезд, Ди готовилась к подъёму по лестнице, но, к счастью, Сергей жил на первом этаже.

Все его попытки вставить ключ в замочную скважину не увенчались успехом. Пальцы не слушались, ключ дрожал, царапая металл, и этот звук был таким же беспомощным, как и сам Сергей. Потеряв терпение, Диана забрала ключи и сама открыла дверь. Он покачнулся и чуть не упал снова; Ди поймала его за руку и дёрнула к двери. Сергей навалился на Диану всем весом, и на мгновение её накрыла волна паники — она вдруг вспомнила другую дверь, другую квартиру, другого парня, и её будто окатило ледяной водой. Пытаясь удержаться на ногах, она стала отступать и оказалась в коридорчике квартиры. Дальше отступать было некуда: за спиной была стена, а спереди Сергей навалился на неё всем телом.

Но вдруг его взгляд изменился — стал более разумным, ясным, будто кто-то щёлкнул выключателем и вернул его из темноты. Сергей не сводил с неё глаз, и в этой тишине, нарушаемой только их дыханием, было столько напряжения, что воздух звенел, как натянутая струна. Диана испугалась, и, словно почувствовав это, он сделал шаг назад.

— Ладно, мне пора идти, — Ди шагнула в сторону двери, и её голос прозвучал непривычно хрипло, будто она долго кричала, а теперь пыталась говорить шёпотом.

— Подожди, не уходи, — он взял её за руку, и теперь его речь была абсолютно адекватной, ни намёка на опьянение.

— Ты же был пьян? — удивилась она, и в её голосе прозвучало не столько возмущение, сколько горькое осознание.

— Я выпил, но немного, я притворялся, — признался он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на стыд, но не настолько сильное, чтобы заставить его отвести взгляд.

— Но зачем? — спросила она, и тут же сама всё поняла. — Ты хотел заманить меня к себе!

— Ты мне нравишься! Я просто хотел провести с тобой время. Может, когда ты узнаешь меня получше, ты не будешь так категорична, — сказал он, и в этих словах было столько отчаянной надежды, что они прозвучали не как оправдание, а как признание в чём-то очень важном.

— Не хочу я тебя узнавать! Мне надо домой, — она одёрнула руку, но даже в этом резком движении не было настоящей злости — только страх, который заставлял её отталкивать всё, что казалось опасным.

— Если бы я был тебе так неприятен, как ты говоришь, ты бы бросила меня на улице и ушла, но ты привела меня домой. Может, я тебе не так уж и неприятен? — спросил он мягко, без напора, просто констатируя факт, который она сама не хотела замечать.

— Не говори ерунды! Если ты мне не нравишься, это ещё не значит, что я должна была оставить тебя замерзать. Я помню добро людей, — ответила она, и в этих словах была вся её суть — способность отвечать добром даже тогда, когда сердце просит только спрятаться и никого не видеть.

— Не буду спорить. Я просто прошу тебя, останься хотя бы на час. Посидим, поговорим, чай попьем, потом я провожу тебя домой. Обещаю, не буду приставать, — Сергей поднял руку,

как в клятве, и в этом жесте было столько детской искренности, что Диана не смогла сразу сказать «нет».

— Ладно, но только час, и если мне что-то не понравится, я сразу уйду, — согласилась она, и сама удивилась, как легко это «ладно» сорвалось с языка — будто внутри неё кто-то тихо шепнул: «Дай ему шанс. Может, он не такой, каким кажется».

— Хорошо, — он расплылся в улыбке, словно ребёнок, получивший желанную игрушку, и в этой улыбке было столько облегчения, что даже её насторожённость на мгновение отступила.

Закрыв дверь и раздевшись, они прошли в зал. Сергей включил телевизор — не для того, чтобы смотреть, а чтобы заполнить тишину, которая могла стать слишком громкой. Он сказал Ди располагаться там, где ей нравится, и ушёл за чаем. Диана села на диван и подогнула под себя ноги, чувствуя себя одновременно чужой в этой квартире и странно спокойной, как бывает, когда знаешь, что скоро уйдёшь.

Вскоре вернулся Серёжа с подносом. На нём были две чашки с чаем — фарфоровые, с тонкими золотыми ободками, вазочка с печеньем и конфетами, которые поблёскивали, как маленькие сокровища. Он сел и поставил поднос между ними. Пару минут они сидели молча и смотрели друг на друга, и в этой тишине было столько невысказанных слов, что воздух будто стал гуще, тяжелее.

Ди не выдержала и нарушила молчание:

— Нууу...

— Что «ну»?

— Ты уговаривал меня остаться, чтоб молчать?

— Нет.

— Тогда начинай говорить или спрашивать.

— Чем я тебе так не нравлюсь? — спросил он прямо, без обиняков, и в этом вопросе не было обиды — только желание понять, найти ту трещину, через которую она не пускает его в свою жизнь.

— Твоей напористостью. Ты в первую нашу встречу слишком много говорил, лез ко мне постоянно, да и вообще ты не в моём вкусе, — подытожила Диана, и эти слова прозвучали честно, без желания уколоть.

— А где вы познакомились с Катей? — сменил он тему, и в этом плавном переходе было столько такта, что она невольно отметила про себя: «А он умеет слушать. Не только говорить».

— В детском доме, мы росли вместе.

— Так ты же с бабушкой живёшь.

— Она поварила из детдома. Так получилось, что я осталась без жилья, и баба Тома предложила пожить у неё, — рассказала она, и голос её звучал спокойно, без надрыва, как будто эта история уже не причиняла боли, а стала просто частью её пути.

— Расскажи о себе, — попросила она, и в этом «расскажи» было не любопытство, а попытка увидеть за фасадом напористого парня что-то настоящее.

— Нууу... что рассказать? Рос я в семье. Когда мне было десять, умер мой младший брат, — в его словах появилась грусть, тихая, как тень, которая ложится на комнату, когда солнце уходит за тучи. — Родители развелись, дальше я рос с матерью и отчимом. В двадцать влюбился без памяти. Вскоре мы поженились, через полтора года знакомые стали говорить, что часто видят мою жену в компаниях мужчин. Я не верил, думал, врут, потому что завидуют. Но в один прекрасный день шёл с работы и увидел компанию парней на фонтане и жену, сидящую на коленях одного из парней. Я подошёл, не говоря ни слова, взял её за руку и повёл домой. Дома устроил разборки, не сдержался и ударил её. Мы развелись. Я очень её любил и сильно переживал. Начал много пить, срывался по любому поводу. Мать хотела упечь меня в дурку. Я убегал, прятался, жил у друзей. Однажды она нашла меня и всё-таки сдала в психушку. Два

месяца там были сущим адом. Вокруг больные люди, глядя на них, я думал, тоже сойду с ума, — с каждым сказанным словом Ди проникалась сочувствием всё больше, и неприязнь, которая так крепко сидела в груди, начала таять, как лёд под тёплыми пальцами. — С тех пор у меня не было серьёзных отношений, только небольшие интрижки. Ни одна девушка мне не западала в душу. Когда я начал переписываться с тобой, думал, это тоже ненадолго. Только когда увидел, внутри что-то ёкнуло. Впервые за долгое время я хочу попробовать начать долгие и серьёзные отношения. Чем больше ты сопротивляешься, тем больше притягиваешь меня, — закончил он, и в этих словах не было пафоса — только голая, неприкрытая правда, от которой становилось и больно, и тепло одновременно.

Наступило молчание. Диана не знала, что сказать. Его слова тронули её до глубины души, и она смотрела на Сергея как-то по-новому: ушла неприязнь, появилось сочувствие и понимание, но страх сделать очередную глупость всё ещё держал её за горло, не давая выдохнуть.

— Не знаю, что сказать, — призналась она тихо.

— Не надо ничего говорить. Ты спросила, я ответил, — спокойно сказал он, и в этом спокойствии было столько силы, что ей вдруг захотелось довериться.

— Мне пора, уже поздно, а завтра рано вставать, хотелось бы выспаться, — сказала она, но в этом «пора» уже не было прежней твёрдости.

— У тебя же завтра выходной?

— Да, но у меня завтра день рождения. Мне завтра двадцать лет, — призналась она, и её губы тронула лёгкая улыбка — не радостная, а скорее удивлённая, будто она сама только что осознала, что становится на год старше.

— Так что же ты молчала? — оживился Сергей, и в его глазах вспыхнул тот самый огонёк, который бывает у детей, когда они узнают, что впереди праздник. — Сейчас, подожди, я за цветами!

Он быстро начал одеваться и выбежал из квартиры. Диана сидела в недоумении: шёл двенадцатый час ночи, где он возьмёт цветы? Магазины все закрыты. Минут через десять он вернулся, стал бегать по квартире, что-то искать. Найдя несколько карточек, стал набирать номера. Как оказалось, это были визитки цветочных магазинов. Трубку не брали.

Ди встала с дивана и направилась к выходу.

— Все спят, цветы ты ночью не найдёшь. Мне пора.

Сергей подскочил к ней, пытаясь остановить.

— Не уходи. Побудь ещё немного.

— Зачем? Мне правда надо идти, мы ещё увидимся, — сказала она, стараясь говорить спокойно, но голос предательски дрожал.

Диана стояла у дверного косяка, а Сергей стоял напротив неё, настолько близко, что она чувствовала тепло его тела, и это тепло было таким живым, таким настоящим, что на мгновение ей захотелось просто закрыть глаза и позволить себе поверить, что всё будет хорошо.

— Пожалуйста, останься, — Сергей смотрел на неё, как щенок, который боится, что его оставят одного в тёмной комнате. — Останься, — он положил голову ей на плечо, и этот жест был таким беззащитным, что её сердце дрогнуло.

Его дыхание скользило по её шее, и мурашки пробегали по всему телу, как лёгкие волны по спокойной воде. Диана попыталась отстраниться.

— Я пойду.

— Ты меня боишься? — Серёжа заглянул ей в глаза, и в этом взгляде не было ни давления, ни требования — только просьба понять. — Я не буду тебя трогать, если сама не захочешь. Просто побудь со мной, — сказал он тихо, и в этой тишине между ними что-то изменилось.

Он поцеловал её в шею, и буря эмоций захлестнула Диану. Ноги стали ватными, всё тело будто кололи сотни иголок, и эта боль была сладкой, пугающей, но такой настоящей, что сопротивляться ей становилось всё труднее. Ди попыталась увернуться, но её движения были

неуверенными, будто она сама не знала, хочет ли убежать или остаться. Сергей поцеловал её с другой стороны шеи, и по телу пробежала дрожь, такая сильная, что она едва удержалась на ногах. Она дёрнула головой, пытаясь вернуть себе контроль, но Сергей лишь игриво посмотрел на неё — в этом взгляде не было насмешки, только нежность и желание быть рядом.

— Не надо, — почти шёпотом произнесла Диана, и в этом «не надо» уже не было твёрдого отказа — скорее мольба о том, чтобы её остановили, пока она ещё может остановиться.

— Я тебя не трогаю, — он поднял руки, показывая, что не собирается нарушать её границы, но губами приблизился к её уху. — Я же обещал не прикасаться к тебе, если ты сама не захочешь, — прошептал Сергей, и от этого шёпота по её коже побежали новые мурашки, а внутри всё сжалось от предвкушения и страха.

Тело Дианы предательски дрожало, ноги не слушались, дрожь и тепло разливались по телу, смешиваясь в один невыносимо сладкий вихрь. Она боролась с собой: с одной стороны, ей хотелось поддаться чувствам, раствориться в этом моменте, забыть обо всём, что было раньше; с другой — она боялась снова ошибиться, снова поверить не тому человеку и снова проснуться с чувством, что её использовали. Он продолжал шептать, что без её согласия ничего не будет, и эта клятва звучала как самый сильный афродизиак, потому что в ней было уважение к её выбору.

От уха медленно, по щеке, он продвигался к губам, и каждая секунда этого движения была наполнена таким напряжением, что казалось, воздух искрит. Диана теряла связь с реальностью, сил на противостояние не осталось. Руки сами потянулись к Сергею, пальцы запутались в его шелковистых волосах, и этот жест был признанием: она сдалась.

Серёжа понял, что Ди сдалась. Он обнял её за талию, нежно, но в то же время властно, и впился в её губы жарким и сладким поцелуем, в котором было столько накопившейся тоски и надежды, что она отзывалась в каждой клеточке её тела. Внизу живота разливалась приятная боль, сладкая и острая одновременно, и тело совсем отказывалось слушаться. Диана не могла стоять на ногах, и Сергей подхватил её на руки и уложил на диван. Покрывая её шею, грудь и живот поцелуями, он медленно снимал с неё одежду, и каждое его прикосновение тело Дианы встречало новой волной дрожи, и она подавалась навстречу его рукам, словно искала в них спасение от собственных страхов.

— Ты этого точно хочешь? — спросил Сергей хриплым и томным голосом, и в этом вопросе было столько заботы, что она вдруг поняла: он не просто берёт, он спрашивает, он даёт ей право сказать «нет» даже сейчас.

У Ди не было сил остановиться, она притянула его к себе и жадно поцеловала, и в этом поцелуе было не просто желание — в нём была вся её накопленная тоска по теплу, по доверию, по тому, чтобы кто-то рядом был настоящим. Диана извивалась, словно змея, и каждое движение её тела было то ли попыткой вырваться, то ли попыткой стать ещё ближе — она сама не могла понять, где кончается одно и начинается другое. Сергей овладел ею, и она застонала от наслаждения — не громко, а так, будто этот звук вырвался из самой глубины, из того места, где прятались все её страхи и все её надежды. Набирая темп, их желание только усиливалось, и мир вокруг сужался, пока не исчез совсем, оставив только двоих, дыхание, тепло и сердцебиение, слившееся в один ритм.

Дойдя до высшей точки наслаждения, перед глазами Дианы всё поплыло, комната стала растворяться, будто кто-то медленно стирал рисунок ластиком, оставляя вместо контуров размытые пятна света. От живота стала расходиться пульсация — тёплая, мягкая, как круги по воде, — и приятное покалывание, похожее на то, что чувствуешь, когда долго сжимаешь в кулаке снег, а потом разжимаешь пальцы и кровь возвращается в онемевшую кожу. Голова шла кругом, и когда всё закончилось, они лежали рядом, глядя в потолок, который казался теперь не потолком, а небом — далёким, безразличным, но каким-то необъятно спокойным.

Ди не решалась заговорить. Тишина между ними была не пустой, а переполненной — в ней жили и удовлетворение, и страх, и нежность, и тревога, и все эти чувства толкались, как дети, жаждущие сказать первыми, но ни одно не решалось. Сергей тоже не знал, что сказать. Он боялся сделать что-то не так, учитывая всё, что было раньше — и её слёзы, и её отстранённость, и ту стену, которую она так долго и так упорно возводила между ними. Он подумал, что лучше дать ей время всё осмыслить, и тихо, не произнеся ни слова, отправился в душ.

Щёлкнула дверь ванной, и этот тихий, обыденный звук был как выстрел стартового пистолета. Диана вскочила с дивана, и движения её были судорожными, резкими, как у человека, который очнулся от сна и понял, что снова наступил на те же грабли. В голове крутилась только одна мысль, колючая, ядовитая, бьющая изнутри: «Как она могла снова повестись на обман?» Быстро одевшись, она вышла в коридор, одновременно обуваясь и надевая куртку, и пальцы её дрожали так сильно, что молния не поддавалась, а куртка казалась свинцовой. Ди хотела как можно быстрее покинуть квартиру, исчезнуть, раствориться в ночном холоде, где хотя бы можно было дышать.

Услышав шум в коридоре, Сергей выскочил из ванны — мокрый, с каплями воды, стекающими по коже, совершенно голый, без тени стыда или неловкости, потому что в этот момент он думал не о себе, а только о том, что она уходит, что он снова теряет её. Увидев одетую Диану, он бросился к ней и обхватил за талию мёртвой хваткой, и в этой хватке было столько отчаяния, столько страха, что она почувствовала это сквозь ткань куртки, сквозь собственную панику. Сергей был похож на испуганное дитя — глаза широко раскрыты, в них читался не гнев и не обида, а чистый, первобытный ужас потери. Одежда Дианы стала намокать от его тела, и эта влага была тёплой, почти живой, будто он делился с ней последним теплом.

— Почему ты уходишь? Что произошло? — спросил он, и голос его, обычно уверенный, теперь звучал надломленно, как треснувшее дерево.

— Всё нормально, — Ди пыталась держаться, но слёзы подступали к горлу, и слова выходили сдавленными, будто она говорила сквозь сжатые зубы.

— Я же вижу, что что-то не так.

— Правда, всё хорошо.

— Почему ты уходишь? — повторил он, и в этом повторении было столько настойчивости, что оно прозвучало не как вопрос, а как мольба.

— Ты получил что хотел, я уйду, — произнесла она, и каждое слово было как удар — не по нему, а по себе самой, потому что в глубине души она понимала: это не правда, это не то, что она чувствует, это лишь защита, единственная, которую она знает.

— Я не этого хотел! — Серёжины глаза расширились от возмущения, и в этом возмущении не было злости — только боль человека, которого обвиняют в том, чего он не совершал. — Я хочу, чтоб ты была со мной, всегда!

Слова повисли в воздухе, и в них было столько искренности, что они пробили ту стену, которую Диана так упорно возводила. Слёзы хлынули ручьём, она не могла больше сдерживаться, а главное — она не знала, от чего плачет: от радости или обиды, от облегчения или страха, всё перемешалось в один густой, горько-сладкий коктейль, который заполнил её целиком, не оставив места ни для слов, ни для мыслей. Сергей обхватил её лицо руками — бережно, будто держал хрустальный шар, — и стал целовать мокрые от слёз щёки, и каждый поцелуй был как тихое обещание, не произнесённое вслух, но оттого ещё более весомое.

— Ну, ты чего?... Всё хорошо... Мы будем вместе... Успокойся... Прошу тебя, не плачь... — шептал он, и в каждом слове было столько мягкости, что она чувствовала, как тает, как её панцирь трескается, осыпаясь кусочками, которые больше не нужно собирать.

Постепенно Диана стала успокаиваться. Дыхание выровнялось, слёзы перестали литься так обильно, превратившись в редкие, тихие капли, будто дождь, который кончается, но ещё не решается уйти совсем. Сергей снял с неё куртку и сапоги — аккуратно, как раздевают устав-

шего ребёнка, — отвёл в комнату и посадил на диван, мягкий, тёплый, всё ещё хранивший тепло их близости. Быстро накинуд штаны и сел рядом, не прижимаясь, но и не отодвигаясь, давая ей пространство, в котором она могла дышать.

— Успокоилась? — тихо спросил он.

— Да, — говорила она, всё ещё шмыгая носом, и голос её звучал по-детски, тонко, будто она снова стала маленькой девочкой, которая плачет не от боли, а от того, что мир оказался слишком большим и слишком непонятным.

— Может, расскажешь, почему собралась уходить? — спросил он мягко, без давления, просто предлагая путь, по которому она может пойти, если захочет.

Диана мотала головой в знак протеста, снова стали накатывать слёзы, и в этом отказе было столько боли, что он понял: трогать эту рану сейчас нельзя.

— Ну всё, ладно, можешь не рассказывать, если не хочешь. Я в принципе догадываюсь, Пашка постарался? Он ведь не зря тогда ушёл сразу за тобой, — произнёс он, и в его голосе прозвучала не злость на друга, а что-то большее — горькое понимание того, что кто-то, кого он считал другом, причинил боль человеку, который стал ему дорог.

Она снова расплакалась, и эти слёзы были другими — не судорожными, не паническими, а тихими, очищающими, как дождь, который смывает пыль с давно не мытых окон.

— Всё, успокойся, — он обнял её, прижимая к себе, и его объятие было не клеткой, а крепостью, стенами которой она могла укрыться от всего мира. — Всё хорошо. Просто забудь всё, что было. Теперь всё будет хорошо, — повторял он, и каждое «хорошо» звучало как камень, который кладут в основание нового дома.

— Ты придёшь ко мне на день рождения? — неожиданно даже для себя самой спросила Ди, и этот вопрос прозвучал как первая трещина в стене, через которую пробился тонкий, робкий луч света. Она сама удивилась, что произнесла это вслух, будто кто-то внутри неё, тот, кто устал бояться, наконец сказал своё слово.

— Конечно, приду! Мы вместе с утра и пойдём, а сейчас ложимся спать, — ответил Сергей, и в его голосе было столько спокойной, тёплой уверенности, что на мгновение ей показалось: может быть, не все обещания оказываются ложью, может быть, есть те, которые выполняются, и есть люди, которые говорят правду не потому, что должны, а потому, что хотят.

ГЛАВА 3

День рождения прошёл в тихой и домашней атмосфере, пропитанной запахом ванили, свежей выпечки и едва уловимым ароматом хвои — Тамара Петровна по старой привычке поставила на подоконник маленькую веточку ели, будто хотела удержать в квартире хоть немного зимнего волшебства.

Утром, зайдя в квартиру Тамары Петровны вместе с Сергеем, Диана не знала, как та отнесётся к его присутствию. В груди сжималось тревожное предчувствие: а вдруг баба Тома посчитает его слишком напористым, вдруг увидит в нём ту самую опасность, которую когда-то так остро чувствовала сама Ди? Но стоило им переступить порог, как лицо Тамары Петровны расплылось в широкой, искренней улыбке — такой тёплой, что тревога растаяла, словно снежинка на горячей ладони. Баба Тома очень порадовалась за Диану, обняла её, потом чуть сдержаннее, но не менее искренне — Сергея, будто сразу признала в нём того, кто способен беречь её девочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.